

TRANSFORMATION VARIABLES OF POLITICAL CULTURE OF MODERN POLITICAL ELITE

Olga I. Oskina (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: oskina_olga[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2006-1786

Abstract

In the work, the author actualizes the problem of the qualitative transformation of modern political elites, primarily of the Western world. Studies of qualitative indicators of modern political elites are in a decisive way connected with the type of political culture which gives a vector orientation to the behavior and nature of professional activities of elite circles. A significant place in the work is given to the theoretical and methodological foundations of the general theory of political culture and its classification foundations in the modern globalizing conditions. Based on an interdisciplinary approach, the author examines the variables of the political culture of modern elites, fixes an increase in the number of propaganda techniques and manipulative information and communication practices. Competitive interaction of elite groups from the real sector of politics is gradually shifting to the sphere of ratings which are often biased and opportunistic in nature. It is concluded that the idea of transatlantic unity which is carried by the elite circles has gradually transformed into a freer and more independent entity based more on cultural and historical community where there is an acute struggle for supremacy between Great Britain, the EU and claiming hegemony of the United States. The recorded contradictions and disagreements in the elite environment regarding the guidelines for further development are especially noticeable against the background of the growing crisis phenomena, significantly aggravated by the spread of the COVID-19 pandemic which we are witnessing at the present time.

Keywords

political culture; political image; political elite; values; liberalism; democracy; corruption; falsification; crisis; transformation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Оськина Ольга Ивановна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: oskina_olga[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2006-1786

Аннотация

В работе автор актуализирует проблему качественной трансформации современных политических элит, прежде всего западного мира. Исследования качественных показателей современных политических элит определяющим образом связаны с типом политической культуры, придающим векторную направленность поведению и характеру профессиональной деятельности элитных кругов. Значительное место в работе уделяется теоретико-методологическим основаниям общей теории политической культуры и ее классификационным основаниям, фиксирует тенденцию возникновения "когнитивного диссонанса" и смещение либерально-ценностных установок в сложившихся исходных характеристиках социокультурного облика у политических акторов в современных глобализирующихся условиях. Опираясь на междисциплинарный подход, автор исследуются переменные величины политической культуры современных элит, фиксирует увеличение количества пропагандистских приемов и манипулятивных информационно-коммуникативных практик. Конкурентное взаимодействие элитных групп из реального сектора политики постепенно перемещается в сферу рейтингов, часто имеющих ангажированный и конъюнктурный характер. Делается вывод, о том, что идея, трансатлантического единства, носителем которой выступают элитные круги, постепенно трансформировалась в более свободное и независимое образование, основанное в большей степени на культурной и исторической общности, где происходит острая борьба за главенство между Великобританией, ЕС и претендующих на гегемонию США. Фиксируемые противоречия и рассогласования в элитной среде, по поводу ориентиров дальнейшего развития, особенно заметны на фоне нарастающих кризисных явлений, значительно обострившихся в условиях распространения пандемии COVID–19, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Ключевые слова

политическая культура; политический имидж; политические элиты; ценности; либерализм; демократия; коррупция; фальсификация; кризис; трансформация

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Современный элитологический анализ онтологии правящих элит все чаще обращает пристальное внимание на трансформационные изменения их политической культуры, определяющим образом влияющих на характер и стиль деятельности. Для современных постмодернистских обществ характерен эклектический набор элементов, определяющих политическую культуру современных политических элит. Исследования позволяют выделить два устойчивых направления анализа, наглядно показывающих динамику и глубину происходящих изменений. Первый, условно может быть определен как институционально-управленческий. Здесь можно проследить устойчивую связь между структурными элементами политической системы и управленческой деятельностью элитных кругов, руководящим стилем и профессиональными качествами. Второе направление, в большей степени сосредотачивается на культурной составляющей бытия политических элит – мира скрытых от внешнего взгляда амбиций, традиций, желаний и мотиваций. На наш взгляд, они выступают важными маркерами, с помощью которых современная политическая наука может определить их управленческую успешность и стабилизационную перспективность. Нам представляется, что данное направление не достаточно проработано, чаще всего при доминировании первого подходе исследования политической культуры, сводится к навязыванию элитным акторам политических ролей и ориентаций в соответствии сложившимся в обществе субъективным представлениям. Подобное видение культуры разрабатывалось М. Фуко (Сокулер, 1997) в его концепции "власти-знания", где назначение культуры усматривается в продуцировании определенных форм властных отношений в обществе.

Начало XX века сопровождалось, постоянно растущим количеством научных публикаций и исследований о том, что современный мир вступил в период своего системного кризиса, упадка с последующей глобальной трансформацией.

Системные характеристики кризиса, позволяют выделить точки бифуркации синергетического процесса развития мировой системы, что является важным и просто необходимым для обретения нового качественного состояния.

Кризис в первую очередь проявился в тех структурах, которые ранее играли ведущую роль в международных процессах и отношениях. Речь идет о странах западного мира, альянс которых по-прежнему претендует на то, чтобы занимать лидирующие мировые позиции. Динамика кризисных изменений, обусловила актуальность анализа со-

стояния западных элит и необходимость определения трансформационных переменных, что позволит пролить свет на многие процессы, происходящие в настоящее время в мире. Нам представляется, что кризисные явления в западных элитных кругах имеют ценностную природу. Элиты фактически продолжают действовать в пределах либерального крыла рационалистической (модернистской) парадигмы. Среди популярных в прошлом либерально-демократических идей (открытых рыночных отношений, свободных и конкурентных выборах, независимых СМИ и т.д.) наметился явный сдвиг в сторону их мифологизации. Установки на методологический индивидуализм и неограниченную веру в человеческое познание, не позволяют реально оценить глубину системных сдвигов и решать серьезные проблемы, стоящие перед обществом, обострившиеся в условиях глобальной пандемии.

МЕТОДОЛОГИЯ

В анализе сущности политической культуры чаще всего реализуется междисциплинарный (мультидисциплинарный) подход, стремящийся объединить различные научные направления и оценки, с целью получения полномасштабной картины в оценке объективной реальности.

Перед исследованием стоит *цель* провести критический анализ существующих ценностных ориентаций властвующей элиты и выявить устаревшие мифологемы, не соответствующие актуализированной глобализирующейся проблематики. Исследование мифологем, позволяет установить, какие ценности и установки действительно составляют основу поведения политического класса, а какие приписываются ему в силу традиции или в рамках определенного идеологического спектра. Многие ценности исторически деформировались и существуют лишь в формализованном виде, продолжая условно принимать участие в политическом бытии нации. Таким образом, *объектом* настоящего исследования является современная политическая культура, а в качестве *предмета* выступают современные западные (преимущественно англосаксонские) политические элиты.

В теоретическом плане работа опирается на созданную еще Г. Алмондом и С. Верба модель типологии политической культуры, а также на разработки отечественных исследователей (О.Б. Шестопал, Г.Л. Тульчинский, А.В. Дука и др.), занимающихся исследованиями объективной политической действительности и политической культуры. Отечественная наука исследовала широкий набор проблем и раз-

личных категорий политической культуры в отечественной и зарубежной практике (Баталов, 1990; Шведова, 2003). Главное внимание уделялось исследованию мировоззренческих установок (Градинер, 1996; Завершинский, 2002), анализу различных научных социокультурных дискурсов (Пивоваров, 1996; Малинова, 2006), исследованию истории традиций (Васич, Ширинянц, 1999; Ширинянц, 2002), а также непосредственно самим теоретическим основаниям данной концепции (Дука, 2006). Особое внимание уделялось исследованию иерархических структур и влиянию на процесс различных цивилизационных традиций (Панарин, 1994; Каспэ, 2008).

ТЕОРЕТИКО-КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ

Во многом, исследовательские тренды при разработке теорий политической культуры были определены в 1960 гг. американскими исследователями. Именно они заложили фундаментальные основы *ориентационного подхода*, впервые осуществив анализ совокупности политических ориентаций по отношению к собственным политическим структурам.

Как известно, само понятие «политическая культура» понимается Г. Алмондом – «как специфические модели ориентаций на политические действия». (Almond, 1956, p. 396). «Каждая политическая система основывается на определенном образце ориентаций на политическую деятельность. Я обнаружил, что это удобно означать как политическую культуру» - писал Г. Алмонд (Almond, 1956, p. 396). У. Розенбаум, сосредоточился на выделении в политической культуре видов ориентаций: ориентации относительно институтов государственного управления, включающие в себя удовлетворенность (или неудовлетворенность) институтами государственной власти, доверие или недоверие им, оценку и реакцию на конкретные политические решения, представления об эффективности государственной политике; ориентации относительно «других» в политической системе, в содержание которых входит политическая идентификация граждан, готовность сотрудничать с другими группами или наоборот, а также установки по отношению к «правилам политической игры», к правам и обязанностям участников политического процесса; и ориентации относительно своей собственной политической деятельности, включающие в себя политическую компетентность (ориентации относительно политической активности) и действенность (представления о важности гражданской активности) (Rosenbaum, 1975).

Политическая культура определялась и как система ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике (Т. Парсонс, Э. Шилз), и как установочная и поведенческая матрица, способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов. (Р. Карр, М. Бернштейн) (Тульчинов, 2018, стр. 16). В политической культуре в первую очередь отражаются базовые ценности социогенеза, такие, как безопасность, справедливость, свобода..., посредством которых и ведется конструирование конкретного общественного формата.

Г. Алмонд предлагал ввести четырехчленную классификацию политических систем: «Англо-американские (включая некоторых членов Содружества), континентально-европейские (исключая Скандинавию и Бенилюкс, которые соединяют некоторые черты континентально-европейской и англо-американской), доиндустриальные или частично индустриальные политические системы за пределами европейско-американского пространства, и тоталитарные политические системы» (Almond, 1956, p. 392-393).

Политическую культуру предлагают рассматривать как особый «механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта» (Тульчинов, 2018, стр. 12). Именно опыт оказывается главной ценностью в культурных кодах, передаваемых от поколения к поколению. И опыт этот может быть как позитивный, так и отрицательный. Сама политическая культура включает в себя целый ряд компонентов, среди которых на первом месте стоят: 1) политические институты, 2) политическое поведение (формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов) и 3) политическое сознание (как некую совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений). (Тульчинов, 2018, стр. 13). Эта триада и определяет совокупность всех проблем, связанных с понятием политической культуры.

В основе типологии политических культур Г. Алмонд и С. Верба использовали принцип моделирования «чистых типа», под влиянием идей М. Вебера, согласно которому существуют три разновидности политических культур: (1) «Приходская» или «патриархальная» (parochial culture) – ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни. (2) «Подданническая» (subject culture) – пассивное отношение к политической системе, без стремления изменять что-либо, участие в политической жизни «по традиции», «ритуально». (3) «Участническая»

(participanculture) – активистский тип, где граждане проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти, воздействовать на нее, используя законные способы влияния (Almond & Verba, 1963, p. 13). При этом Г. Алмонд и С. Верба считали, что в реальной жизни существует «смешанный тип» политической культуры: 1) для «культур гражданственности» (свойственной для западных либеральных демократий) существует «смесь» с соотношением чистых типов 1:3:6; 2) для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, и 3) для «демократий», установленных сверху - 55:40:5.

Свои модели типологии политических культур предлагали многие исследователи этой проблемы, чаще всего ориентируясь на ту или иную объективную политическую реальность. (У. Розенбаум, Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс) (Rosenbaum, 1975; Heunks & Hiksloops, 1995). Так, например, Д. Каванах различал 1) гомогенную (однородную) политическую культуру (для которой свойственно единство общества, толерантность), 2) фрагментарную культуру (с конфликтами оппозиционных субкультур), 3) «смешанную» политическую культуру, и 4) «искусственно гомогенную» (Kavanagh, 1983).

Разнообразие теорий политической культуры свидетельствует об её практической неоднозначности и многовариативности. Немецкий профессор К. Вельцель в работе «Парадигма политической культуры» вообще утверждал, что «политическая культура остается предположением, а не научным понятием» (Welzel, 2016). С позиции этого крайнего скептицизма политическая культура вообще становится крайне субъективным и постоянно ускользающим от внимания политической науки явлением.

Прежде всего критике подвергается типология Г. Алмонда и С. Вербы, в которой «правильная» демократия задана в качестве искомой цели всякого политического развития, и вместо исследования специфики нормативного отношения к политике в той или иной стране ее авторы анализировали национальную политическую культуру на соответствие заданным ими же самими ценностным стандартам.

Однако, это способствовало проведению целого ряда исследований в которой оценивалась политическая культура и влияние социальных ценностей и норм на функционирование политики в самых разных странах. К наиболее масштабным и значительным, с точки зрения прикладного применения, можно отнести работы Р. Ингльхарта, который в 1977 году выдвинул тезис об изменении культурных норм и ценностных ориентаций в развитых демократических странах (Inglehart, 1977).

Ингльхарт отмечает, что наметился устойчивый тренд изменений политической культуры к стадии постмодерна и выделяет последовательные культурные паттерны (стили, шаблоны, модели), тесно увязанные с достигнутым тем или иным обществом уровнем экономического развития. Он делает вывод, о том, что экономическое развитие, культурные изменения и политические перемены идут параллельно и имеют единую логику развития. Это дает основание для обоснованных прогнозов в отношении страноведческих политико-культурных изменений (Inglehart, 1997, p. 325).

Так, под влиянием глобализационных процессов, не произошло гомогенизации культуры в глобальных масштабах, наоборот, мы видим образование различных гибридных форм: моралистскую, индивидуалистическую и традиционалистскую политические культуры (Дука, 2006). В процессе самоопределения в политике, все больший вес приобретают транснациональные группы, со своей специфической культурой. Политические ориентации мексиканцев и афроамериканцев в США, мигрантов в Европе становятся акторами, все более определяющими политику этих стран. Политическое взаимодействие становится как никогда проблематичным в силу возрастающей сложности достижения взаимопонимания его рядовых участников и примирения между собою их зачастую плохо совместимых культурных приоритетов (Стрежнева, 2002, стр. 154).

При столкновении на политической арене разных культур возможны "когнитивный диссонанс" и закрепление исходного социокультурного облика у политических акторов (Habermas, 1998, S. 113). В этой связи особое внимание необходимо уделить трансформационным переменным политической культуры правящей элиты западного мира.

ПЕРЕМЕННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Трансформация правящих элит выступает разновидностью эволюционного процесса, суть которого заключается в смене внутренних состояний элиты в рамках одного исторического типа. Ученые фиксируют поэтапность данных изменений, в ходе которых элита проходит определенные точки, прерывистость постепенности, когда возникает необходимость определиться по отношению к прошлому, настоящему и будущему при формировании новых качеств, которые могут быть обусловлены обучением или переобучением «старых» элит, а также вливанием новых сил, и внешних вызовов. В мотивах поведения ан-

глосаксонских (прежде всего британских) политических элит значительное место занимают воспоминания о своем имперском прошлом, традиции которого заставляют их вести себя соответствующим образом, при полном отсутствии имперских данных объективной реальности. Так уже было в постсоветский период (1990-е гг.), когда поведение российской элиты, воспроизводило управленческий стиль взаимодействия (особенно на постсоветском пространстве) прежнего руководства СССР.¹ Именно эти имперские рудименты и мешают современных британским политическим элитам адекватно оценивать себя и своих противников и принимать верные решения.

Западным элитам приходится вступать в конкурентное взаимодействие с не-западными элитами и не всегда эта конкуренция заканчивается их однозначной победой. В этих условиях бывшим мировым лидерам приходится в текущем процессе корректировать правила игры и вводить новые оценки результативности. Западный мир начинает уступать свои позиции на фоне роста самооценки и влияния не-Запада. Российские аналитики отмечают, что «К началу XXI в. не-западные ареалы мира не без культурного влияния Запада выработали новые стандарты миро- и самовосприятия. Возросла самооценка не-Запада, что связано с укреплением его позиций в мировой экономике (страны Восточной и Южной Азии), политике и военной сфере (Индия, Китай, исламские и латиноамериканские страны). Не-западные составляющие мира не готовы увидеть в себе лишь “предполье” Запада, которое хочет и, возможно (“если будет себя хорошо вести”), сможет стать его частью» (Никитин, 2018, стр. 35).

В настоящее время возрастает роль экспертного сообщества в принятии элитами стратегических управленческих решений. «В условиях современности роль экспертного знания в реализации любых транзакций, в том числе властных, резко возросла. Влияние рынка экспертизы на политико-управленческие процессы стало необратимым. По сути, любое политическое или управленческое действие в современном мире является сложной операцией со структурами знания. Во всех сферах жизни общества ключевую роль играют эксперты-технократы, осуществляющие управленческие действия не столько в соответствии с политическими установками, сколько на основе комплексов профессионального научно-экспертного знания определенного типа» (Сергеев и др., 2017, стр. 11). Политические элиты полагают-

¹ Российские исследователи отмечали, что в подобных условиях возникает «явное несоответствие столь рационального понимания имперской идеи («пространство и ресурсы») исторической имперской традиции, в рамках которой рациональные соображения всегда играли подчиненную роль» (Каспэ, 1998, стр. 55).

ся на мнение экспертов, тем самым снимая с себя часть ответственности за провальные решения, ведь они были приняты по совету конкретных аналитических центров. Анализ последнего десятилетия указывает на то, что в тех же самых США наметился кризис именно аналитических центров, которые перестали «рождать новые смыслы», а пользуются старым багажом знаний. Это видно на примере формирования современного «мейнстрима»: «“Мейнстрим” в условиях современности может быть представлен как устойчивая и самовоспроизводящаяся модель взаимодействия экспертного знания и политико-административных практик, имеющая материально-практическое, научно-когнитивное и ценностно-идеологическое измерения» (Сергеев и др., 2017, стр.11).

Конкуренция элит из реального сектора политики постепенно перемещается в сферу рейтингов, которые регулярно проводятся различного рода структурами, претендующими на объективность и научность. Например, в 2020 году был подготовлен и опубликован Elite Quality Index – это исследовательский проект Университета Санкт-Галлена (Universität St. Gallen) в Швейцарии, который измеряет показатель качества элит в странах мира. Индекс позиционируется как новый глобальный индикатор оценки страновых возможностей роста и развития, демонстрируя, как действия элит и их подходы к формированию благосостояния способствуют или препятствуют развитию тех или иных государств. Индекс качества элит призван отразить степень совокупного влияния национальных элит на общество через измерение: показателей благосостояния, то есть деятельности элит по созданию и перераспределению ценностей от одной части общества к другой; показателей власти, или потенциала изъятия ценностей, а также способности элит настаивать на своих предпочтениях и бизнес-моделях через институциональные механизмы стран. В первую десятку вошли Европейские страны с показателями элиты 64,0-61,9 (Рейтинг, 2020).

Описания результатов и связанных с ними рейтингов, индексов и других сравнительных исследований представлены в показателях, которые направлены на демонстрацию высокой эффективности государства, общественных институтов и элиты, прежде всего европейских государств и демонстрацию низких показателей стран не западного мира. Так, показатели России -48,9, составители рейтинга соотнесли с аналогичными показателями Ботсвана (48,9) – государством в Южной Африке, получившем независимость от протектората Великобритании только в 1966 году, имеющем одно высшее учебное заведе-

ние в стране, экономику, где основу составляет экспорт алмазов (70%) и двухпалатый парламент, с нижней палатой вождей (Ботсвана, 2020).

Подобные сомнительные рейтинги, базирующиеся на манипулятивных исследованиях, вводят объективную политическую науку в заблуждение, девальвируют реальные показатели.

Эти несоответствия особенно заметны на фоне нарастающих кризисных явлений, значительно обострившихся в условиях распространения пандемии COVID–19, которые мы наблюдаем в настоящее время. Не имея, сформировавшихся актуальных ориентиров, элитам приходится действовать в режиме устаревших технологий, которые из реальных ценностей уже трансформировались или продолжают трансформироваться в мифологические и утопические категории бытия. Политические персонажи функционируют в совершенно новом «полликосмосе», подчас не замечая, что живут и действуют в уже искаженном пространстве². Эти изменения сказываются на логике внешней политики ведущих стран мира, что влечет за собой и изменения в стратегиях, обеспечивающих приоритеты в геополитической конкуренции.

В политической культуре наглядно переплетаются мифологемы с образами художественной литературы, отдельными идеологическими догмами, религиозными предпочтениями и конкретными философскими концепциями. К этому следует также добавить еще дискурс обыденного опыта, политической истории, нравственных максим, эсхатологических истерий и т.д., в результате чего мы получим весьма многосоставной феномен, представленный конкретной политической культурой в конкретный исторический момент ее развития.

Кроме этого, все возрастающее, конструирующее значение приобретают информационно-коммуникативные технологии, способные сформировать нужные стереотипные образы (Россия – империя зла), политические установки и ориентации. Именно от этих переменных величин во многом зависит оценка и восприятие политической действительности как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне общественно-политических институтов.

2 Эксперты отмечают наступление эры мирового кризиса: «Модель саморазвития и экспансии культурно-исторического типа – это системное распространение его ключевых концептов и практик, испытанных временем предпочтений и шаблонов, политических, экономических, культурных алгоритмов, “золотых легенд” и утопий, конкурирующих подобно дизайнерским пакетам глобальных корпораций. Причем прописанные в современной политике персонажи соперничают в полифоничномсоциокосмосе как с фрагментами полузабытых, забытых, неопознанных культур, так и с новыми субъектами, что заметно усложняет эмерджентную картографию цивилизации» (Неклесса, 2018, стр. 87).

В рамках формирования заказных, положительных имиджей политиков, существует традиция приписывания первым лицам преимущественно только положительных черт, а их слабые места вуалировать под «волеизъявления народа». Так, было например, с британским премьер-министром Д. Кэмероном, который инициировал референдум по Brexit. Для американских СМИ было характерно преобладание активистских компонент при анализе деятельности кабинета Д. Кэмерона в содержательной структуре образа власти в период до июня 2016 г. Положительная оценка активности власти, давалась в связи с ее противостоянием с ЕС в ходе переговоров о статусе членства Великобритании, деятельности по организации референдума (Палитай, 2018, стр. 159). Сменившая его на посту лидера нации Т. Мэй, с точки зрения, как европейских, так и американских СМИ, продемонстрировала еще более высокие позитивные деловые характеристики, такие как профессионализм и решительность, «честно», «смело» и «решительно» взялась за начатое им дело (Палитай, 2018, стр. 156). Американские источники изображали Т. Мэй в качестве человека, который взял на себя ответственность за страну в трудный для нее исторический период.³

Также позитивно оценивается и команда лидера - его ближайшая элита. Исходя из «контекстуального образа власти», исследователи приближаются к пониманию основных факторов и механизмов трансформации образов за конкретный период времени. Для анализа образа власти обычно используют такие шкалы оценок, как: *сила – слабость, простота – сложность, активность – пассивность, агрессивность – неагрессивность, привлекательность – непривлекательность* (Палитай, 2018, стр. 158).

В совершенно ином ключе и с использованием масштабных манипулятивных технологий описываются и характеризуются политические лидеры и элиты противников англосаксонского мира. Особенно демонизируются те, кто экзистенциально угрожают американскому мировому величию. Наиболее удачным способом создания в сознании того или иного образа является метафора и суггестивные методы, поскольку механизм метафорического переноса основывается на ассоциативно-образной природе человеческого мышления, а суррегация актуализирует некритическое восприятие информации, воздействующее на чувственное восприятие (Черепанова, 1995). Удобство и опасность образного описания объекта зачастую заключается в возможно-

³ Theresa May Faces Her First Prime Minister's Questions. – CNN. 2016. - URL: <http://edition.cnn.com/videos/world/2016/07/20/theresa-may-first-pm-questions-orig-sfc.cnn> (accessed 29.04.2017).

сти вариаций его толкования. Метафора является оптимальным средством манипуляции, поскольку предоставляет уже готовый образ, штамп. Она широко применяется как способ навязывания определенных субъективных оценок, установления нужных ассоциативных связей. Они не только привлекают внимание и придают тексту эмоциональную окраску, но и помогают создать определенный образ, воздействовать на реципиента в нужном направлении (Ермоленко, 2013). Англоязычные СМИ с успехом манипулируют общественным сознанием, создавая при помощи различных языковых средств «нужный» медиа-образ. В ходе анализа медиа-образа В.В. Путина, созданного англоязычными СМИ можно выделить следующие лексические доминанты имиджа: диктатор; последователь идей СССР; монарх; супергерой; агент КГБ; вожак (прагматик, патриот, популярный у своего народа).

Еще более негативную оценку содержит формируемый образ другого известного российского политика - Р. Кадырова. Его характеризуют как сурового, авторитарного лидера ("strongman"), указывая на диктаторский характер правления и долгий срок нахождения на посту главы республики с 2007 г. Также властный характер руководства характеризуют сочетания, в которых используются яркие эпитеты с негативной коннотацией, такие, как: "the omnipotent Chechenleader" (всемогущий чеченский лидер), "the autocraticleader" (деспотичный лидер), "the powerfulhead of Chechnya" (могучий лидер Чечни), "a violentprovincialboss" (яростный провинциальный босс), "heavy-handed leadership" (властное руководство). Вышеперечисленные характеристики помогают создать образ деспотичного, неуправляемого диктатора, чьи установки противоречат основам чести и морали. Наряду с эпитетами используется лексика с негативной коннотацией - "anabsolute despot" (абсолютный деспот), "a ruthlesschieftain" (безжалостный вождь), "violentruffian" (жестокий головорез) (Филиппова, Ядрихинская, 2019).

Подобного рода заявления, комментарии и оценки носят демагогический, и манипулятивный характер. В большей степени они имеют отношение к пропагандистским приемам, чем к научно-рациональному знанию. Западные элиты глубоко уверены в своем превосходстве (Huntington, 1996), что снижает уровень критического восприятия, меняющейся реальности, приобретающей особую значимость в условиях разрастающейся пандемии.

В качестве промежуточного вывода можно констатировать, что в анализе культуры западных политических элит мы обнаруживаем присутствие весьма значительного элемента пропаганды устаревших

либерально-демократических конструкций и установок, которые своим объемом и динамикой мешают рационально-критически воспринимать и оценивать современную динамическую действительность.

ДИАГНОСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Западные политические элиты стоят перед самой настоящей культурной революцией, которая переворачивает все их прежние традиции и устои. В моду вошло квотирование субъектов власти – во власть продвигаются по квотам, а не по личным способностям и профессиональным качествам. Возникает искусственная «селекция элит», нарушающая весь естественный порядок отбора самых лучших. Квотирование делает бесполезной конкурентную борьбу, заранее отдавая предпочтение и преимущество группам лиц по их расовым, национальным, половым или сексуальным принадлежностям. «Культурная революция» разрушает привычную схему понимания элитных групп и их отношений, наносит ощутимый удар по персональному имиджу субъектов правящего политического класса. Подмена персональных качества на квоты, нарушает все культурные коды политических элит, делает их уязвимыми в условиях роста кризиса. А именно требование открытой конкуренции является одним из краеугольных камней западной демократии. Размывая этот принцип, элиты размывают саму свою идентичность, делают себя наиболее уязвимыми для отрицательной селекции, что открывает путь к неминуемой их профессиональной деградации.

В последние годы мы всё чаще наблюдаем эффект бумеранга, когда обвинения западными элитами своих конкурентов в нарушении прав человека, коррупции и фальсификации возвращаются к ним самим и становятся их собственной характеристикой. В самой диагностике элит все чаще присутствуют деструктивные характеристики, свидетельствующие об их отрицательной селекции и негативных практиках.

Выборы всегда были священной коровой для западных либеральных демократий. Поэтому они всегда обвиняли своих оппонентов в том, что они систематически нарушают демократические выборы в своих странах и ставили им в пример свои выборные системы. Но в 2020 г. история показала, что и это достояние западной демократии нуждается в серьезном реформировании. Баллотирующийся на второй срок действующий президент США Дональд Трамп продолжал настаивать на своей победе на прошедших 3 ноября 2020 г. президентских выборах и после подведения их итогов не в его пользу. «Я победил на

выборах! – заявлял Трамп. - Радикальные левые демократы, работая со своими партнерами, лживыми СМИ, пытаются украсть [мою] победу на выборах. Мы им не позволим [этого сделать]»⁴. По его версии, демократ Джозеф Байден «победил [на выборах] только в глазах лживых СМИ». Д. Трамп настаивал на том, что отказывается признавать свое поражение на выборах, поскольку они прошли с грубейшими нарушениями со стороны демократов. Впервые в истории США вера в непоколебимость демократических институтов была подорвана самими же американскими элитами. Д. Трамп нарушил все неписанные правила политической культуры США, показав на собственном примере глубочайший раскол американских элит.

Официально кумовства и коррупции на Западе нет. Но если внимательно присмотреться, то выяснится, что оно там есть повсюду. Особенно это заметно на примере складывания семейных политических династий в США и в традиции раздачи пэрских и баронских титулов в Великобритании. Известно, что на «Туманном Альбионе» пэрские титулы часто раздавались «друзьям детства» или скрытым «фаворитам». Налицо процветает скрытое кумовство. Так, например, в 2020 г. королева Великобритании Елизавета II присвоила сыну российского медиамагната Александра Лебедева (и по совместительству экс-сотрудника КГБ) Евгению (1980 г.р.) постоянно проживающего в Лондоне, титул «барона Сибирского».⁵ Титул позволил ему стать членом Палаты лордов британского парламента. Новоиспеченный лорд заявил, что готов приложить все старания для борьбы за свободу слова... Известно, что Е. Лебедев находится в приятельских отношениях с премьер-министром Великобритании Борисом Джонсоном, для которого в прошлом устраивал богатые вечеринки.

Таким образом, при диагностике современных англосаксонских элит мы можем наблюдать очевидные признаки девальвации системы их либеральных ценностей. Во внутренние их отношения проникают такие ранее отрицавшиеся на официальном уровне признаки, как коррупция, кумовство, фальсификация..., что расходится с образом и «золотым эталоном» демократии и гражданских свобод.

Еще одной традицией политических и научных элит современного Запада является неписаное правило замалчивать корпоративные

4 Трамп настаивает на своей победе на президентских выборах. 19.11.2020. - URL: <https://news.mail.ru/politics/44212331/?frommail=1> (дата обращения: 19.11.2020).

5 Полное название титула заслуживает отдельного внимания: барон Лебедев из Хэмптона в лондонском районе Ричмонд-Апон-Темс и Сибири в Российской Федерации. При этом, какое отношение имеет к английской королеве Российская Федерация, не уточняется. - Сын Александра Лебедева получил от английской королевы титул барона Сибирского. – Версия. №44. 17.11. 2020. - URL: <https://versia.ru/syn-aleksandra-lebedeva-poluchil-ot-anglijskoj-korolevy-titul-barona-sibirskogo>

проблемы и недостатки, с целью поддержания своего имиджа на соответствующем элитарном уровне. Так, возникающие внутри ведущих американских партий кризис лидерства, пропагандисты выдавали за открытую демократическую борьбу претендентов за власть (Сергеев, 2018, стр. 132-133). Причем деятельность подобных организаций спецслужбы США оценивают как несущие потенциальную угрозу национальной безопасности их государства.

В мировоззрении самих элит заметен рост популярности т.н. теорий заговоров, которыми они пытаются объяснить свои неудачи и просчеты. Возлагая вину на мифические силы, кибератаки политических конкурентов, которые якобы им агрессивно противостоят, они автоматически снимают с себя ответственность за крайне неудачно проводимую политику. Конспирология становится самым популярным видом объяснение «загадочной» природы власти и самих политиков (Пайпс, 2008; Бразертон, 2017). Именно «*conspiracy theory*» используется в политической борьбе как средство дискредитации конкурентов и демонизации врагов. Это позволяет элитам выдавать себя за важную часть борьбы добра со злом, которую они якобы сами возглавляют на стороне добра. При этом их собственные многочисленные заговоры и интриги друг против друга создают весьма питательную базу для процветания подобного рода псевдонаучных теорий элит (Robert Jewett, John Shelton Lawrence, 2004, p. 206).

ВЫВОДЫ

Рассмотренные особенности политической культуры современных англосаксонских политических элит свидетельствуют о том, что они переживают ныне постимперский синдром, связанный с утратой имперского статуса и мирового господства. В течение второй половины XX в. имперские воззрения существенно эволюционировали, однако продолжали включать в себя представления-составляющие мифологемы, которые были унаследованы от имперского периода. Идея трансатлантического единства, носителем которой выступают элитные круги, изначально выражавшаяся в объединении всех колоний и зависимых земель под британским началом, постепенно трансформировалась в более свободное и независимое образование, основанное скорее на культурной и исторической общности, где сегодня происходит острая борьба за главенство между Великобританией, ЕС и претендующих на гегемонию США.

Революция в сфере политической культуры фактически означает перестройку архитектуры самой элиты под новые политические кон-

струкции, которые их сторонники пытаются выдать за стремление необходимого улучшения (коррекции) системы. При этом сама политическая культура утрачивает классическую стройность и погружается в эклектическую нестабильность. Подмена принципа открытой конкуренции квотированием, наносит ощутимые имиджевые потери, заметно снижая компетентностный уровень профессионализма правящих кругов. В элитах меняется сама их структура и система ценностных координат, благодаря которым они в прошлом были узнаваемы политической наукой.

Список литературы

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Heunks, F., & Hikspoors, F. (1995). Political culture 1960-1990. B R. A. de Moor, *Values in Western Societies* (cc. 51–82). BRILL.
- Huntington, S. P. (1997). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Penguin Books India.
- Inglehart, R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton University Press.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Jewett, R., & Lawrence, J. S. (2004). *Captain America and the Crusade Against Evil: The Dilemma of Zealous Nationalism*. Wm. B. Eerdmans Publishing.
- Kavanagh, D. (1983). *Political Science and Political Behavior*. London: Allen & Unwin.
- Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York.
- Welzel, C. (2016). Political Culture Paradigm. В С. Welzel, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford University Press. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.67
- Алмонд, Г. А., & Верба, С. (2010). Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры). *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, (2), 122–144.
- Баталов, Э. Я. (1990). *Политическая культура современного американского общества*. Москва: Наука.
- Бразертон, Р. (2017). *Недоверчивые умы: Чем нас привлекают теории заговоров*. Москва: Альпина Паблишер.

- Васич, В. Н., & Ширинянц, А. А. (1999). *Политика. Культура. Время. Мифы*. Москва: Диалог-МГУ.
- Градинер, И. Б. (1996). *Политическая культура: Мировоззренческое измерение*. Санкт-Петербург.
- Дука, А. В. (2006). Политическая культура-поиски теоретических оснований. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2(1), 7–30.
- Ермоленко, Г. М. (2013). Медиаобраз ВВ Путина в текстах англоязычных СМИ. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, (3), 21–28.
- Завершинский, К. (2002). Когнитивные основания политической культуры: Опыт методологической рефлексии. *Полис. Политические исследования*, (3), 19–30. doi: 10.17976/jpps/2002.03.03
- Каспэ, С. (2008). *Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. Москва: Московская школа политических исследований.
- Каспэ, С. И. (1998). Имперская политическая культура в условиях модернизации. *Полития*, (3), 42–57.
- Литвак, Н. (2018). Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт. *Полис. Политические исследования*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12
- Малинова, О. Ю. (2006). «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе. *Политическая Наука*, (3), 7–30.
- Некlessа, А. (2018). Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования*, (1), 80–95. doi: 10.17976/jpps/2018.01.06
- Никитин, А. (2018). Современный миропорядок: Его кризис и перспективы. *Полис. Политические исследования*, (6), 32–46. doi: 10.17976/jpps/2018.06.03
- Пайпс, Д. (2008). *Заговор: Манья преследования в умах политиков: [пер. с англ.]*. Москва: Новый хронограф.
- Палитай, И. (2018). Трансформация образов власти и политических лидеров Великобритании под влиянием Brexit (на материалах европейских и американских СМИ за 2014-2017 гг.). *Полис. Политические исследования*, (2), 150–162. doi: 10.17976/jpps/2018.02.11
- Панарин, А. С. (1994). *Россия в цивилизационном процессе: (Между атлантизмом и евразийством)*. Москва: Российская Академия наук - Институт философии.
- Пивоваров, Ю. С. (1996). Концепция политической культуры в современной науке. В *Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования* (с. 6–45). Москва: ИНИОН РАН.
- Рейтинг стран мира по индексу качества элит. (2020). В *Центр гуманитарных технологий, 2006–2020. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс]*. Извлечено от <https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index>

- Рытов, Л. Н., Копа-Овдиенко, Н. В., Хаин, В. Е., Булаев, О. О., & Линдер, В. И. (2017). Ботсвана. В *Большая российская энциклопедия*. Извлечено от <https://bigenc.ru/geography/text/4125521>
- Сергеев, В., Казанцев, А., & Петров, К. (2017). Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: На пути от мирового экономического кризиса к “невозможной политике”? *Полис. Политические исследования*, (3), 8–29. doi: 10.17976/jpps/2017.03.02
- Сергеев, В., Казанцев, А., Петров, К., & Медведева, С. (2018). Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: Причины и характеристики. *Полис. Политические исследования*, (2), 130–149. doi: 10.17976/jpps/2018.02.10
- Сокулер, З. А. (1997). Мишель Фуко и его концепция «власти-знания». В З. А. Сокулер (Ред.), *Жизнь и власть в работах Мишеля Фуко* (с. 5–13). Москва: Российская Академия наук - Институт научной информации по общественным наукам.
- Стрежнева, М. В. (2002). Политическая культура в различных интерпретациях: Анализ специального понятия. *Общественные науки и современность*, (5), 141–155.
- Тульчинский, Г. Л. (2018). *Политическая культура России: Источники, уроки, перспективы*. Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Филиппова, С. В., & Ядрихинская, Л. А. (2019). Языковая реализация медиаобраза Рамзана Кадырова в американских СМИ. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(6), 410–414. doi: 10.30853/filnauki.2019.6.87
- Черепанова, И. Ю. (1995). *Дом колдуньи: Начала суггестивной лингвистики*. Издательство Пермского университета.
- Шведова, Н. А. (2003). *Северная Америка в начале XXI века: Женщины и политика. Гендерная политическая культура: Науч. Докл.* Москва: ИСКРАН.
- Ширинянц, А. А. (2002). *Вне власти и народа: Политическая культура интеллигенции России XIX- начала XX века*. РОССПЭН.

References

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Almond, G. A., & Verba, S. (2010). Civic Culture (An Approach to the Study of Political Culture). *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics. Analysis. Chronicle. Forecast.* (2), 122–144. (In Russian).
- Batalov, E. Y. (1990). *The Political Culture of Modern American Society*. Moscow: Nauka. (In Russian).

- Brotherton, R. (2017). *Mistrustful Minds: What Attracts Us to Conspiracy Theories*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Cherepanova, I. Yu. (1995). *The Witch's House: The Beginnings of Suggestive Linguistics*. Perm University Press. (In Russian).
- Duca, A. V. (2006). Political Culture-Search for Theoretical Foundations. *Political Expertise: POLITEX*, 2(1), 7–30. (In Russian).
- Filippova, S. V., & Yadrikhinskaya, L. A.. (2019). The Linguistic Implementation of the Media Image of Ramzan Kadyrov in the U.S. Media. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12(6), 410–414. doi: 10.30853/filnauki.2019.6.87 (In Russian).
- Gradiner, I. B. (1996). *Political Culture: The Worldview Dimension*. St. Petersburg. (In Russian).
- Heunks, F., & Hikspoors, F. (1995). Political culture 1960-1990. B R. A. de Moor, *Values in Western Societies* (cc. 51–82). BRILL.
- Huntington, S. P. (1997). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Penguin Books India.
- Inglehart, R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton University Press.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Jewett, R., & Lawrence, J. S. (2004). *Captain America and the Crusade Against Evil: The Dilemma of Zealous Nationalism*. Wm. B. Eerdmans Publishing.
- Kaspe, S. (1998). Imperial Political Culture in the Context of Modernization. *Polity*, (3), 42–57. (In Russian).
- Kaspe, S. (2008). *Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russian).
- Kavanagh, D. (1983). *Political Science and Political Behavior*. London: Allen & Unwin.
- Litvak, N. (2018). The Modern Diplomatic Service as a Reflexive Institution. *Polis. Policy Studies.*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12 (In Russian).
- Malinova, O. Yu. (2006). "Political Culture" in Russian and Anglo-American Scientific Discourse. *Political Science*, (3), 7–30. (In Russian).
- Neklessa, A. (2018). The Crisis of History. The World as an Unfinished Project. *Polis. Policy Studie.*, (1), 80–95. doi: 10.17976/jpps/2018.01.06 (In Russian).
- Nikitin, A. (2018). The Modern World Order: Its Crisis and Prospects. *Polis. Policy Studies*, (6), 32–46. doi: 10.17976/jpps/2018.06.03 (In Russian).
- Palitay, I. (2018). Transformation of images of power and political leaders in Great Britain under the influence of Brexit (on the materials of the European and American media in 2014-2017). *Polis. Policy Studies*, (2), 150–162. doi: 10.17976/jpps/2018.02.11 (In Russian).

- Panarin, A. S. (1994). *Russia in the Civilization Process: (Between Atlantism and Eurasianism)*. Moscow: Russian Academy of Sciences - Institute of Philosophy. (In Russian).
- Pipes, D. (2008). *Conspiracy: Persecution mania in the minds of politicians*. Moscow: New Chronograph. (In Russian).
- Pivovarov, Y. S. (1996). The concept of political culture in modern science. In *Political Science. Theoretical and Methodological and Historical and Cultural Studies* (pp. 6–45). Москва: ИНИОН РАН. (In Russian).
- Rating of countries of the world according to the index of the quality of elites. (2020). In *Center for Humanitarian Technologies, 2006-2020. Humanitarian Encyclopedia: Studies [Electronic resource]*. Retrieved from <https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index> (In Russian).
- Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York.
- Rytov, L. N., Kopa-Ovdienko, N. V., Hain, V. E., Bulaev, O. O., & Linder, V. I. (2017). Botswana. In *The Great Russian Encyclopedia*. Retrieved from <https://bigenc.ru/geography/text/4125521> (In Russian).
- Sergeev, V., Kazantsev, A., Petrov, K., & Medvedeva, C. (2018). The Crisis of the Political Party System in the United States and the EU: Causes and Characteristics. *Polis. Policy Studies*, (2), 130–149. doi: 10.17976/jpps/2018.02.10 (In Russian).
- Sergeyev, V., Kazantsev, A., & Petrov, K. (2017). Mainstream Politics and its Alternatives in the Modern Western World: On the Road from World Economic Crisis to "Impossible Politics"? *Polis. Policy Studies*, (3), 8–29. doi: 10.17976/jpps/2017.03.02 (In Russian).
- Shirinyants, A. A. (2002). *Beyond Power and the People: The Political Culture of the Russian Intellectuals of the 19th and Early 20th Centuries*. ROSSPEN. (In Russian).
- Shvedova, N. A. (2003). *North America at the Beginning of the 21st Century: Women and Politics. Gendered Political Culture: A Research Report*. Moscow: ISKRAN. (In Russian).
- Sokuler, Z. A. (1997). Michel Foucault and his concept of "power-knowledge. In 3. A. Sokuler (Ed.), *Life and Power in the Works of Michel Foucault* (pp. 5–13). Moscow: Russian Academy of Sciences - Institute for Scientific Information on Social Sciences. (In Russian).
- Strezhneva, M. V. (2002). Political Culture in Different Interpretations: An Analysis of the Special Concept. *Social Science and Modernity*, (5), 141–155. (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2018). *Russia's Political Culture: Sources, Lessons, and Prospects*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Vasich, V. N., & Shirinyants, A. A. (1999). *Politics. Culture. Time. Myths*. Moscow: Dialog-MSU.. (In Russian).

- Welzel, C. (2016). Political Culture Paradigm. В С. Welzel, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford University Press. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.67
- Yermolenko, G. M. (2013). The Media Image of BB Putin in the Texts of English-Speaking Media. *Bulletin of the Volga Region V.N. Tatishchev University*, (3), 21–28. (In Russian).
- Zavershinsky, K. (2002). Cognitive Foundations of Political Culture: Experiences of Methodological Reflection. *Polis. Policy Studies.*, (3), 19–30. doi: 10.17976/jpps/2002.03.03 (In Russian).